

К ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧЁТА АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ “ВРАГОВ НАРОДА”. 1938–1939 годы

© 2022 г. Е. Г. Застрожнова (Панкратова)

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: pankratova0484@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.01.2022 г.

После доработки 24.01.2022 г.

Принята к публикации 09.02.2022 г.

Вторая половина 1930-х годов – наименее изученный, но трагический период в истории отечественной гуманитарной науки. Политические репрессии по отношению к научному составу музейных, академических и образовательных учреждений Ленинграда повлекли за собой разрушение научных школ, реорганизацию институтов, а также ссылки и расстрелы огромного количества выдающихся учёных самых разных специальностей, названных “врагами народа”. Строгая регламентация деятельности всей архивной структуры СССР в рамках НКВД привела к засекречиванию, децентрализации и депаспортизации огромного числа архивных материалов репрессированных учёных. Подавляющее большинство этих документов не возвращено в научное поле до настоящего времени, что делает данное направление научной работы крайне актуальным и востребованным как с научной, так и с мемориальной точек зрения.

Ключевые слова: архивный фонд, политические репрессии, “враги народа”, секретная часть.

DOI: 10.31857/S0869587322050103

В отечественной историографии изучение системы учёта и дальнейшего распределения хранения архивных материалов, относящихся к научным трудам, биографии и деятельности “врагов народа”, не становилось предметом специального научного исследования. Между тем это крайне актуальное направление научной работы, поскольку изъяты из академических учреждений документы репрессированных учёных содержат важную информацию по истории и организации отечественной науки и биографии исследователей на таком важном и трагическом этапе жизни страны. Поиск и дальнейшее изучение этого важнейшего комплекса архивных материалов имеет не только морально-этическое и мемориальное, но и источниковедческое значение.

С начала 1930-х годов политика советского государства была нацелена на строгую регламентацию деятельности архивов. В год “Великого перелома”, 28 января 1929 г., было утверждено Положение о создании Центрального архивного

управления РСФСР (ЦАУ), которому стали подведомственны все архивные учреждения РСФСР [1, 2]. Согласно периодизации истории архивного дела, составленной Т.И. Хорхординой [3], период с 1929 по 1938 г. считается наиболее драматичным в истории советского архивного дела. Он отмечен такими катастрофическими для архивов явлениями, как “макулатурные” кампании и дальнейшие массовые чистки административного и научного персонала архивов, музеев, академических и образовательных учреждений Ленинграда.

В 1938 г. после централизации архивных учреждений под контролем Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) архивное наследие репрессированных учёных было засекречено и децентрализовано. Политические репрессии обусловили увеличение количества запросов органов ОГПУ/НКВД, направляемых в архивы. Объём подобной работы стал несопоставим с количеством сотрудников, которые обязаны были исполнять чекистские запросы. Увеличивались и масштабы секретных фондов, причём в ряде архивных управлений на протяжении нескольких лет практиковался приём секретных архивных материалов от действующих учреждений в опечатанном виде. Частыми стали случаи, когда работ-

ЗАСТРОЖНОВА (ПАНКРАТОВА) Евгения Григорьевна – кандидат исторических наук, заведующая отделом обработки фондов, комплектования и ведомственных архивов Санкт-Петербургского филиала АРАН.

ники архивов, принимавшие на хранение документы, не имели представления об их содержании и состоянии [4]. Исполнявший обязанности управляющего Центрального архивного управления (ЦАУ) Н.В. Мальцев¹ неоднократно обращался в НКВД, информируя об отсутствии необходимого кадрового резерва для такой работы, и ему было поручено подготовить проект передачи архивов в ведение НКВД. Основные положения этого проекта были изложены в записке “О состоянии архивного дела в СССР”, которая в апреле 1938 г. была представлена Н.В. Мальцевым народному комиссару внутренних дел Н.И. Ежову. Основопологающими основаниями данной записки были: необходимость научного использования архивных материалов, увеличение финансирования на архивное дело и проверка кадрового состава архивных сотрудников [3]. В 1938 г. все архивы были переданы в ведение Главного архивного управления НКВД (ГАУ НКВД), которое в первую очередь и занялось проверкой и чистками состава архивистов. Из-за роста масштабов политических репрессий, особый контроль стал проводиться в области учёта документов, касавшихся “врагов народа”.

21 марта 1938 г. ГАУ НКВД за подписью Н.В. Мальцева всем сотрудникам секретных отделов архивов и учреждений было направлено нормативно-методическое предписание (директива) касательно того, как следует обращаться с документами “врагов народа” [4]. Поскольку до этого времени ряд работников не имел чёткого представления о том, как поступать с документами, подписанными “врагами народа”, утверждались следующие правила: подлинники приказы, циркуляры, распоряжения, положения, правила и инструкции, подписанные “врагами народа” и уже опубликованные, следовало хранить незасекреченными, копии этих материалов после просмотра Проверочной комиссией подлежали уничтожению. Обращения в вышестоящие органы, протоколы заседаний, отчёты, доклады и служебная переписка, подписанная репрессированными сотрудниками, могли храниться незасекреченными. Выдача этих материалов в читальный зал производилась только с разрешения директора (руководителя) архива, а во временное пользование не допускалась [4].

Отдельные издания, статьи, брошюры и другие опубликованные работы арестованных учёных, “если они не имели историко-справочного или архивно-справочного значения”, подлежали изъятию по спискам, утверждённым Управлением уполномоченного СНК СССР по охране воен-

ных и государственных тайн в печати (Главлит) [5, 6]. Оставленные для хранения издания должны были содержаться в архивах на правах секретных материалов. Личная переписка, исходившая от “врагов народа” (личные письма с вложенными статьями и другими работами), подлежала засекречиванию, а после её просмотра специальной комиссией ГАУ НКВД могла быть уничтожена. Фото- и киноматериалы, воспроизводящие отдельные исторические события (конгрессы, съезды, конференции, открытие новостроек), в которых принимали участие “враги народа”, хранились засекреченными, а фото-, кино- и фонозаписи, где они выступали как “основные или частные лица”, подлежали уничтожению. Фонды организаций, учреждений и предприятий, носивших имена врагов народа, засекречиванию не подлежали [4].

В “Правилах ведения секретных архивных дел” ГАУ НКВД от 22 июля 1938 г. было дано уточнение, что выделенные секретные архивные материалы должны сдаваться в государственные архивы из учреждений, предприятий и организаций города Ленинграда по истечении трёх лет после архивирования. Предполагалось следующее распределение документов: “из учреждений Народного комиссариата обороны — в Ленинградское отделение Военного архива (ул. Инженерная, 10); из учреждений Народного комиссариата ВМФ — в секретный отдел Центра военно-морской истории Архива (Халтурина, 36); из всех других учреждений — в Секретный отдел Ленинградского областного архива Октябрьской революции (ул. Воинова, 34)” [4]. Все архивные дела должны были подшиваться в обложки с прошитыми и пронумерованными листами. К делам нужно было составлять внутреннюю опись и заверительную надпись.

27 июля 1938 г. от ГАУ НКВД поступило уточнение о порядке регистрации фондов, носивших имена “врагов народа”: “Ввиду постоянных запросов о порядке регистрации фондов, носивших имена врагов народа, ЦАУ разъясняет, что при их регистрации следует исключать имена врагов народа, сохраняя все другие признаки названий фондообразователей”. Имена “врагов народа” изымались из названия фондов и инвентарных описей. В архивных справках вместо названия фонда следовало указывать его цифровой номер [4].

31 июля 1939 г. ГАУ НКВД циркуляром № Ж-318 [7] была отменена директива от 21 марта 1938 г. и даны новые правила учёта архивных документов “врагов народа”. Согласно новым требованиям, подлинники приказы, циркуляры, распоряжения, положения, правила и инструкции, подписанные “врагами народа”, должны были быть засекречены. Все копии этих документов подлежали уничтожению, при условии наличия подлинника.

¹ Мальцев Николай Владимирович (1891–1941) — руководитель Центрального архивного управления, и.о. начальника Главного архивного управления НКВД (1938–1939). Отправился добровольцем на фронт, где погиб в 1941 г.

Личная переписка, статьи и другие работы неслужебного характера хранились по-прежнему только в секретном порядке, однако возможность их уничтожения, даже после просмотра Комиссией, была запрещена. Отдельные издания, брошюры и статьи, независимо от того, были они опубликованы или нет, необходимо было хранить в правах секретных материалов. Их выдача в читальный зал разрешалась теперь только лицам, имевшим допуск, одобренный НКВД. В соответствии с этим циркуляром отменялось уничтожение фото-, кино- и аудиозаписей, на которых “враги народа” выступали как основные или частные лица, – они должны были храниться в засекреченном порядке. В копиях кино- и фотоплёнок, на которых были запечатлены “враги народа”, нужно было “уничтожать или затушёвывать их изображение” [7].

В “Типовом списке архивных материалов, выделяемых в отделы секретных фондов центральных, республиканских, краевых и областных государственных архивов”, утверждённом 27 августа 1939 г., наряду с документами о членах царской семьи, руководителей Временного правительства, монархических организациях и т.д., значились и материалы комиссий по чистке аппарата (пункт 47), а также подлинные документы, подписанные “врагами народа” (пункт 81) [7].

21 сентября 1939 г. ГАУ НКВД распространило Директиву № 707 [8] по выявлению лиц с компрометирующими данными “в целях всестороннего использования секретных архивных материалов как в оперативных надобностях НКВД, так и в повседневной справочной работе архивных органов”. Согласно данной директиве, необходимо было приступить к выявлению всех секретных материалов, хранящихся в архивах, и к картотечному учёту личного состава, проходившего по этим материалам. Учёту подлежали: “участники заговоров и мятежей против советской власти, меньшевики, эсеры, кадеты, октябристы, анархисты, троцкисты, зиновьевцы, руководители банд и повстанческих организаций, а также террористы”. После окончательной проработки картотеки по личному составу должен был составляться справочник с полными сведениями, назначение которого – “систематизация данных по СССР и об объявлении розыска лиц во всесоюзном масштабе”. Предполагалось, что справочник будет составлен в трёх экземплярах и направлен в соответствующий архивный отдел НКВД, оперативный отдел УГБ НКВД, в 1 и 2 отделы ГАУ НКВД. Однако с самого начала стало очевидно, что число архивистов, которые должны выполнять такую работу, несопоставимо с поставленной задачей. Кроме того, директора архивов уведомили, что “работники недостаточно ясно поняли цель, поставленную перед проведением данной работы, ввиду чего работа проводится

медленно” [8]. Начальник архивного ведомства НКВД капитан госбезопасности И.И. Никитинский 16 ноября 1939 г. сформулировал задачу спецфондов таким образом: “Задача отдела секретных фондов – это почётнейшая партийная задача... Мы руководим работой по разоблачению врагов народа” [5].

4 декабря 1939 г. отделам секретных фондов была разослана очередная инструкция, согласно которой директор архива и работники, допущенные к работе с секретной документацией, выделяли в секретные фонды материалы по отправленному ранее типовому списку [9]. С особой тщательностью должна была просматриваться общая и частная переписка. При наличии в деле хотя бы одного секретного документа всё дело отправлялось в секретный фонд. При передаче дел в отдел секретных фондов составлялся акт в двух экземплярах, который должен был храниться в делах фондов. Приём секретных материалов производился по описям, составленным в трёх экземплярах. В случае, когда фондообразователями являлись “враги народа”, при учёте данных фондов необходимо было исключить их имена, сохраняя при этом “существенные признаки названий фондов”. Для фондов учреждений и организаций, в названия которых входили “территории, носившие имена лиц, оказавшихся врагами народа”, следовало указывать название территории, “которое она носила до присвоения упомянутого имени, и название, которое было присвоено данной территории после замены имени врага народа”. Учётные карточки выделенных секретных фондов необходимо было сразу представлять в соответствующий архивный орган НКВД и во второй отдел ГАУ НКВД СССР. Для отдела секретных фондов архива должно было быть выделено изолированное от других отделов архива помещение, вход в которое был запрещён для лиц, не имевших допуска. Двери “следовало обить железом, а окна снабдить железными решётками”. Помещение нужно было ежедневно опечатывать и запирают с внесением соответствующих записей в книгу регистрации. Ключи должны были храниться в сейфе директора или начальника отдела секретных фондов архива. Право входа имели, помимо сотрудников и директора архива, начальник и заместитель начальника ГАУ НКВД, начальник архивных подразделений НКВД, а также нарком внутренних дел и начальник УНКВД [9].

Особую важность для современных исследователей представляет раздел “Отбор в макулатуру и уничтожение” указанной инструкции. Для отбора секретных архивных материалов, не подлежащих хранению, предполагалась организация “разборочной комиссии”, в состав которой входили директор архива, начальник и один из сотрудников отдела секретных фондов. Для принятия решения все члены комиссии должны были

ознакомиться полистно с документами; если хотя бы один высказывался против уничтожения, материалы передавались на дальнейшее хранение. Выделение в макулатуру проводилось на основании “Перечня материалов денежно-материальной отчётности второстепенного значения и материалов массового и трафаретного характера” от 25 февраля 1938 г. Из остальных категорий могли выделяться материалы, заведомо не имеющие исторического и политического значения и утрачившие оперативную ценность [9]. Особо следует обратить внимание на следующий пункт: “В целях ограждения от уничтожения материалов, которые могут помочь следственным органам вскрыть вредительство и открыть соучастников, при выделении в макулатуру архивных материалов следует особенно тщательно просматривать материалы, исходившие от врагов народа” [9]. Именно этот пункт даёт основание надеяться, что основной массив документов репрессированных исследователей не был уничтожен в 1938 г. Использование секретных архивных материалов было необходимо в первую очередь для выдачи секретных копий и выписок по письменным запросам органов НКВД. Все секретные запросы относительно определённых лиц должны были отражаться в книге регистрации запросов и храниться вместе с ответами отдельно.

Вследствие подобной архивной политики, проводившейся НКВД, огромное количество архивных фондов оказалось разобщено, множество единиц хранения — полностью депаспартизовано и их место хранения не выявлено вплоть до настоящего времени.

В качестве крайне показательного примера можно привести ситуацию с изъятыми из фонда академика Н.Я. Марра материалами в составе СПбФ АРАН² [10]. В 2018 г. в ходе проведения работ по выявлению материалов, относящихся к биографии последнего председателя Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) Ф.В. Кипарисова, было выявлено изъятие его писем из фонда по акту секретной части АН СССР от 10 февраля 1939 г. В ходе фронтального просмотра всех материалов переписки Н.Я. Марра было установлено изъятие этим же актом писем ещё 28 корреспондентов, среди которых были историки, археологи, филологи, по-

литические деятели, в том числе и люди из ближайшего окружения И.В. Сталина — В.Б. Аптекарь (10 писем), В.Н. Бенешевич (21 письмо, примечание: “Большинство писем дореволюционного времени”), А.С. Бубнов (3 письма, примечание: “Телеграмма о работе русско-украинской комиссии по обмену культурными ценностями”; письмо о докладе ГАИМК на Коллегии Наркомпроса от 31 декабря 1933 г.; письмо о взаимоотношениях ГАИМК и АН СССР от 1 апреля 1934 г.), Г.И. Боровка (2 письма), Н.И. Бухарин (2 письма, примечание: “Письмо о статье Н.Я. Марра для журнала, 1935 г.; приписка к повестке на заседание Комиссии по истории знаний с просьбой присутствовать на заседании”), С.Н. Быковский (20 писем), Э.Д. Grimm (4 письма), Л.М. Карахан (1 письмо); Н.А. Карев (1 письмо, примечание: “Письмо от 12 июня 1931 г. о работах классиков марксизма-ленинизма, о взаимоотношениях языка и мышления”), Ф.В. Кипарисов (19 писем), А.С. Енукидзе (1 письмо, примечание: “Письмо от 1 декабря 1936 г. о работе А.С. Сванидзе”); Н.М. Маторин (3 письма, примечание: “О замечаниях Н.Я. Марра на доклад Н.М. Маторина; письмо и телеграмма о работе на Кавказе летом 1932 г.”), А.Т. Мухарджи (1 телеграмма, примечание: “Телеграмма совместно с Иоаннисяном и Диманштейном — поздравление по случаю награждения Н.Я. Марра орденом им. В.И. Ленина”), А.Г. Пригожин (12 писем), Н.И. Троцкая (2 письма, примечание: “Письмо о работе ГАИМК от 18 апреля 1935 г.; письмо о докладе Н.Я. Марра на курсах по подготовке музейных работников от 23 сентября 1936 г.”), С.Н. Седых (1 телеграмма, примечание: “Телеграмма с извещением о приглашении Н.Я. Марра участвовать в Уральской энциклопедии”), М.М. Цвибак (1 письмо), А.Ш. Шамилов (1 письмо о курдском алфавите), М.Л. Ширвиндт (1 письмо) и др. Все перечисленные корреспонденты Н.Я. Марра были осуждены по различным пунктам 58 ст. УК СССР в 1930–1937 гг., после чего сосланы в лагерь, где погибли либо были расстреляны.

При обращении к учётным документам фонда Н.Я. Марра было выявлено “Дело о передаче материалов архива Н.Я. Марра в Спецчасть”, крайние даты которого — 16 декабря 1938 г. — 10 февраля 1939 г. При изучении документов этого дела выстраивается определённая хронологическая последовательность событий. 16 декабря 1938 г. по запросу из ЦАУ/ГАУ НКВД и.о. директора Института истории материальной культуры АН СССР (ИИМК АН СССР) М.И. Артамонов подготовил и направил в спецотдел ленинградских учреждений АН СССР уведомление об обнаружении писем “некоторых осуждённых лиц”, которые не подлежали просмотру в архиве. К письму была приложена опись этих писем, датируемая 10 февраля 1938 г.

² Фонд археолога, филолога, академика (1912), вице-президента АН СССР (1930–1934) Н.Я. Марра был передан 10 июля 1935 г. его вдовой, Александрой Алексеевной Марр, в Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК), где был принят по соответствующему акту и описи Ф.В. Кипарисовым. С 5 ноября 1935 г., согласно распоряжению А.С. Бубнова, в ГАИМКе был организован научно-исследовательский кабинет им. Н.Я. Марра, где хранились архив и библиотека. 24 ноября 1950 г. все материалы были переданы на постоянное хранение в Архив АН СССР [10].

10 февраля 1939 г. был составлен акт о передаче указанных писем партторгом ИИМК АН СССР А.Н. Рогачёвым, заместителем заведующего кабинетом Н.Я. Марра В.А. Миханковой и заведующей секретной частью Ленинградского отделения АН СССР М.И. Гармаш. К сдаточной описи были составлены краткие сопроводительные комментарии о содержании переписки, подготовленные В.Н. Миханковой [10]. Вместе с основным объёмом фонда 24 ноября 1950 г. данные письма в ЛО Архива АН СССР не вернулись. Не известно их местонахождение и в настоящее время. При обращении к материалам Центрального государственного архива (бывший ЦГАОР) Санкт-Петербурга крайне сложно определить, материалы из каких именно архивов сдавались в ЦГАОР после окончания сроков временного хранения в спецчастях учреждений. Записи в актах “глухие”, содержат лишь данные об общем объёме сданных за год единиц хранения. Безусловно, для восстановления местонахождения изъятых подобным образом из ряда академических институтов и музеев документов требуется тщательная работа с учётными материалами самих фондов.

Изучение системы учёта архивных документов репрессированных учёных, а также их дальнейший поиск и публикация крайне актуальны как для научного сообщества, так и для всего современного гражданского общества, которое нуждается в доступных научных исследованиях, которые бы позволили сохранить историческую память о безвинно осуждённых и оправданных жертвах политических репрессий. Введение в научный оборот архивных документов позволит существенно расширить источниковую базу исследований, сформировать и поставить новые научные цели и задачи по изучению истории отечественной фундаментальной науки, пере-

осмыслить устоявшиеся в историографии представления о событиях прошлого, непосредственным образом повлиявших на развитие науки в СССР.

ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 22-28-00063.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хорхордина Т.И.* Архивы и тоталитаризм (опыт сравнительно-исторического анализа) // Отечественная история. 1994. № 6. С. 145–159.
2. *Хорхордина Т.И., Безбородов А.Б.* Архивы и власть: Государственная архивная служба в формировании исторического сознания и российской социокультурной идентичности // Новый исторический вестник. 2018. № 57. С. 59–78.
3. *Хорхордина Т.И.* Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М.: РГГУ, 2003.
4. ЦГА. Ф. 924. Оп. 12. Д. 4.
5. *Зелёнов М.В.* Спецхран и историческая наука в советской России в 1920–1930-е гг. // Отечественная история. 2000. № 2. С. 129–141.
6. *Цеменкова С.И.* Из истории спецхрана архивов РСФСР и СССР (1917–1938) / С.И. Цеменкова // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 10. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009. С. 234–239.
7. ГАЯО. Ф. Р-2944. Оп. 2. Д. 4 // Электронный ресурс: <https://istmat.info/node/65280> (дата обращения 13.01.2022).
8. ЦГА. Ф. 924. Оп. 12. Д. 10.
9. ГАЯО. Ф. Р-2944. Оп. 2. Д. 7 // Электронный ресурс: <https://istmat.info/node/65290> (дата обращения 13.01.2022).
10. СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1–9.